Леонтьев В. 3/I 88

Калининградская правда
г. Калининград
3 - XII 1988

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

Валерий Леонтьев: «МОЙ ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ БЫЛ НА СЕЛЬСКОЙ СЦЕНЕ»

Сегодня наша встреча — с Валерием Леонтьевым. Вряд ли нужно пространно представлять его: Леонтьев — артист чрезвычайно популярный. Каждое выступление его на концертной площадке, по телевидению, на радио — это событие для любителей эстрадной музыки. Сильный, свободно льющийся голос, пластичные движения, экспрессия, живость, умение установить тесный контакт с залом... Эти качества и сделали его звездой эстрады первой величины.

— Ваш путь на большую эстраду не был гладким, признание пришло к вам уже после тридцатилетнего рубежа, а сейчас за плечами 38... Не хотелось бы вам, если бы это было возможно, что-то изменить в своей прошлой жизни, что-то облегчить, чего-то избежать?

— Пожалуй, нет. Хотя жизнь меня, и правда, не очень-то баловала. В детстве наша семья жила «на колесах»: отец, ветеринар по специальности, лечил стада северных оленей. Приходилось много ездить, а семья кочевала вслед за ним... Только впоследствии осели в городе Юрьевце Ивановской области, там я и школу закончил. Мечтал поступить в ГИТИС, даже документы уже подал, но сам забрал их обратно: невероятно «окал», как все северяне-поморы, понял, что с таким говором актером мне не быть.

Работал откатчиком вагонеток на кирпичном заводе, тесемщиком-смазчиком на текстильной фабрике, трудился на шахте, поступил в горный институт. И всюду, где бы ни работал или учился, участвовал в художественной самодеятельности. Наконец, понял ясно: это моя судьба. Закончил Московскую студию эстрадно-циркового искусства. Жаль, конечно, что поздно, только в 25 лет, нашел себя, вышел на профессиональную сцену.

— Расскажите, пожалуйста, о своем первом концерте.

— Он проходил в деревенском клубе. Есть неподалеку от Сыктывкара такое местечко — Лойма. Собственно говоря, клуба там не было, под него приспособили старую церковь, а дело было зимой. Мы сами натопили промерзшее здание, но так волновались, что про вьюшки забыли. Набралось полно дыма, пришлось открыть настежь двери, но зрители пришли, и хлопали, и просили петь еще и еще...

Позже мы с ансамблем «Эхо» изъездили весь северный край. И никогда не обходили стороной сельскую сцену, самую для нас счастливую, самую благодарную.

— Лауреат премии Ленинского комсомола Валерий Леонтьев очень популярен у ленинградских поклонников эстрады. Здесь даже создано, как теперь принято говорить, «неформальное» объединение — клуб «Вероoко», куда входят ярые почитатели вашего таланта. Члены клуба устраивают лекции, диспуты о вашем творчестве. А во время ленинградских гастролей в этом году, говорят, вам ежедневно преподносили не только традиционные букеты и корзины цветов, но и красивый праздничный торт. Со стороны посмотреть — просто «сладкая жизнь»...

— Ну, это действительно, если «со стороны»... Не буду говорить о нелегком, подчас изнурительном труде артиста — он остается «за кадром», зрители видят только внешнюю, парадную сторону его и вряд ли представляют себе, сколько сил нужно потратить, сколько пота пролить, чтобы песня на сцене звучала впечатляюще, чтобы движения артиста соответствовали музыке, настроению...

— Однажды вы признались, что Леонтьев в жизни ничего общего не имеет с Леонтьевым на сцене. Что побудило вас принять такой сценический образ?

— Мне думается, все началось со школьного хора: во время пения, в особенно трудных местах, когда надо было взять высокую ноту, я старался как-то помочь себе — жестом, движением.

Но, конечно, решающую роль сыграли мои представления о путях развития современной эстрады. Убежден: на сцене надо быть стремительным, необычным, ярким, запоминающимся.

А вне сцены, дома, я, действительно, другой. Могу часами лежать с книгой. Очень люблю Булгакова, Маркеса, Цветаеву, Пушкина, конечно. Получаю большое удовольствие от чтения фантастики.

— В чем вы находите отдых после концерта?

— В той же музыке. Могу без конца слушать оперы Верди, из русских композиторов мой любимый — Чайковский. Приток свежих сил и эмоций дает работа над новыми вещами. Сейчас, например, увлечен рок-оперой ленинградского композитора Лоры Квинт «Джордано Бруно» на стихи московского поэта Владимира Кострова.

— Как вы относитесь к зарубежным гастролям?

— Смотря к каким. Не так давно довелось выступать перед нашими ребятами, выполняющими свой интернациональный долг в Афганистане. Есть сцена, нет — пел в любых условиях, испытывая огромный душевный подъем. В ближайшее время предстоит приятная, не скрою, поездка в Финляндию. Буду представлять на телевидении выпущенную там пластинку с моими записями. Оттуда опять в дорогу — пригласили на Кубу для участия в фестивале латиноамериканских стран.

— Как вы отбираете песни? Что принимаете, что отбрасываете?

— В начале своей эстрадной биографии я был вынужден петь все, что «под руку попадется», выбирать не приходилось. Понимаете, система такая: если ты известный певец — имеешь право на выбор, а если еще не оперившийся — бери, что дают, и радуйся, как манне небесной.

— Ну, теперь-то вам грех обижаться!

— Согласен. Я пою сейчас только то, что мне нравится, что отвечает моим вкусам, если хотите, потребностям души. Но дело в том, что эти вкусы и потребности меняются, как меняется и само наше восприятие жизни.

Вообще же, выбор репертуара — дело сложное и тонкое. Кое-кто из моих коллег свои неудачи пытается списать на репертуарный голод: мол, дайте мне настоящую песню — тогда я развернусь, покажу! Но ведь настоящий художник должен искать сам: режиссер — пьесу, актер — роль, певец — песню. Этот поиск создает творческие стимулы, привносит в нашу жизнь большую активность.

— А как вы сами считаете: ваша лучшая песня уже спета?

— Эдита Станиславовна Пьеха одну из своих недавних программ назвала: «Но песня лучшая моя — еще не спета...» Это и мой ответ на ваш вопрос.

Беседу вел
В. НЕСТЕРЕНКО.